

УДК 130.2:7.046.1

DOI: 10.37482/2227-6564-V041

*ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий и 4 учебников**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

К ВОПРОСУ О ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСПИРОЛОГИЧЕСКОГО МИФА

Данная статья посвящена изучению герменевтической и семиотической специфики современной конспирологии. Конспирологический миф представляет комплекс мифологических нарративов, интерпретирующих социоисторические процессы и явления как результат целенаправленного действия могущественных сил, тщательно скрывающих свое существование или какое-либо отношение к этим явлениям и процессам. Сегодня конспирология успешно превращается в одну из массовых идеологий, обретая сторонников среди различных социальных, возрастных, профессиональных и конфессиональных общностей. Расцвет конспирологической мифологии приходится на эпоху постмодерна. Постмодернистская идеологема о множественности истин и равноценности дискурсов оказалась тем парадигматическим основанием, на котором произошло развитие конспирологии. Анализ конспирологической дискурсивной среды позволил нам выделить следующие типы конспирологии: паранаучная, религиозная, политическая, медицинская, техногенная и фантастическая. Агенты и акторы конспирологического заговора и их противники образуют иерархические страты по степени могущества, посвящения в тайные знания, влияния на социальные процессы. Иерархические модели в конспирологии усиливают иллюкутивный потенциал дискурса. Проведенные исследования дают возможность сделать вывод, что конспирологический миф представляет собой особую герменевтическую систему, позволяющую формировать конкурентные дискурсы, претендующие на способность выполнять этиологическую функцию и при этом сакрализировать повседневность, интерпретируя ее как пространство «священной борьбы» с могущественными врагами. Будучи во многом продуктом архаической культуры, конспирологический миф сохраняет присущий архаике особый тип рациональности, оказывающийся легко совместимым с эпистемологическими установками современной массовой культуры.

Ключевые слова: конспирологический миф, герменевтика, семиотика, семиотический дрейф.

*Адрес: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, корп. 20; e-mail: alpril@mail.ru

Для цитирования: Прилуцкий А.М. К вопросу о герменевтических механизмах функционирования конспирологического мифа // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 4. С. 131–141. DOI: 10.37482/2227-6564-V041

Предмет и методы исследования. Конспирологический миф может быть определен как *совокупность мифологических нарративов, которые интерпретируют социоисторические процессы и явления как результат целенаправленного действия могущественных сил, тщательно скрывающих свое существование или какое-либо отношение к данным явлениям и процессам.* Семиосфера конспирологического мифа отличается выраженной продуктивностью: сегодня конспирологическая мифология оказывается востребованной значительной частью социума, находящей в ее построениях ответы на злободневные социальные, экономические, политические и религиозные вопросы. В связи с существующим запросом на конспирологическую повестку конспирологические мифологемы активно формируются и воспроизводятся в дискурсах, традиционно ориентированных на поиск «альтернативной рациональности»: тезис о том, что «большинство ничего не знает о сущности происходящих процессов», неизменно находит отклик среди широкой аудитории потребителей массовой информации. В основе конспирологии лежит именно неприятие основного эпистемического нарратива, делающее актуальным поиск альтернативных объяснений.

Если ранее конспирологическая мифология была уделом крайне малочисленных маргинальных страт, в наше время она превращается в одну из массовых идеологий, обретая сторонников среди различных социальных, возрастных, профессиональных и конфессиональных общностей. Действительно, сегодня «миллионы людей верят в то, что могущественные силы скрывают правду о реальности, в том числе, касающуюся катастроф и различных “ужасных событий”» [1].

Исследования конспирологического мифа во многом еще носят фрагментарный характер, концептуальные обобщения, отражающие существенные особенности современного конспирологического мифа, еще предстоит сделать. Анализ социальной сущности конспирологии представлен в популярной монографии консервативного

философа, политика А.Г. Дугина, который интерпретирует современную конспирологию как своеобразный «концептуальный синдром постмодерна» [2]. Некоторая уязвимость позиции А.Г. Дугина обусловлена тем, что «интеллектуал, который принимает теорию заговора», рискует выпасть из «эпистемической среды» и утратить способность заниматься научными исследованиями, необходимыми для правильной оценки теории заговора [3].

Эвристический потенциал конспирологии проанализирован С.В. Хмелевским, который изучает объективные предпосылки востребованности конспирологии современным обществом [4]. Исследование конспирологического мифа, осуществленное с антропологических позиций, позволило А.А. Панченко обосновать предположение о том, что «современные теории заговора в известной степени действительно дублируют функции религиозных идей и нарративов, по крайней мере в контексте социальной солидарности и разобщения» [5, с. 92–93]. Генезис антисемитской конспирологии и феномен средневекового антисемитского конспирологического мифа представлены в обстоятельной монографии израильского исследователя Дж. Трахтенберга [6]. Националистические конспирологические нарративы современной эсхатологии были описаны В.А. Шнирельманом [7]. Причины «эпистемологической и информационной привлекательности» конспирологии проанализированы в статье В.В. Дворникова [8], изучающего конспирологический миф как явление современной массовой культуры. Отдельные аспекты, касающиеся конспирологии, рассмотрены в работах Д.А. Андреева и В.Б. Прозорова [9], Ж.В. Корминой [10], С. Штыркова [11], Т.В. Андреевой [12], А.М. Прилуцкого [13] и других авторов.

Популярный на Западе психологический подход к изучению конспирологии базируется на представлении о теории заговора как нарушении причинно-следственных отношений, обусловленном психологическим статусом отдельных людей [14]. В рамках конспирологического

подхода «случайное» («fortuitous data») трансформируется в существенное и используется для поддержания рационального статуса конспирологических построений и выводов [15]. При этом трактовка конспирологии как проявления иррациональности в мышлении подвергается критике современными исследователями [16].

Настоящая работа, посвященная конспирологическому мифу, выполнена в рамках семио-герменевтического подхода, предполагающего изучение механизмов формирования мифологической семиосферы и семантических процессов, связанных с изменением значений базовых концептов. Концепция семиотического дрейфа [17], объясняющая динамику семиозиса, позволяет выявлять тенденции развития базовых семантических полей, тяготение их компонентов к метафорическому или символическому способам формирования смысловых структур. Эта семиотическая концепция применительно к нашему исследованию дает возможность определить тип семиозиса и обнаружить реализуемые стратегии его развития, которые участники коммуникативных процессов используют часто не вполне осознанно, на интуитивном уровне.

Типология и основные акторы конспирологического мифа. Представляется неслучайным, что расцвет конспирологической мифологии приходится на эпоху постмодерна. Постмодернистская идеология о множественности истин и равноценности дискурсов, в т. ч. научного и паранаучного, аргументированных и только лишь постулированных, оказалась тем парадигматическим основанием, на котором произошли как развитие конспирологии, так и ее социальная рецепция. Согласно выводам современных исследователей, «возрастание недоверия к науке приводит к тому, что при столкновении с чем-либо неожиданным, непредсказуемым или непонятным обыденное сознание не апеллирует к ученым, а ищет чью-то скрытую злую волю. Всевозможные

теории заговоров, тайных сговоров, законспирированных соглашений существуют, начиная с Античности. Но особый размах и особую фундаментальность они приобрели в эпоху постмодерна» [18, с. 93].

Можно полагать, что расцвет конспирологии в постмодерне не в последнюю очередь связан с особой квазирациональностью¹, свойственной постмодерну, что, например, проявляется в «отказе от линейной концепции политической науки, от поисков ее смысла» [19]. В связи с этим можно сделать предположение, что конспирология, отвергая традиционную эпистемологию, оказывается во многом созвучной апофатике постмодерна, постулирующей непостижимость и невыразимость бытия, «различные аспекты которого оказываются иррациональными и невыразимыми словами (т. е. традиционным научным дискурсом. – А.П.)» [20, р. 49]. Подобно тому, как апофатика радикально отвергает традиционную рациональность, конспирология на место упорядоченного и систематизированного знания помещает совокупность эзотерических откровений, содержание которых достоверно знают лишь адепты, посвященные в истинную сущность происходящих в мире процессов. Исследователи обращают внимание на то, что вера в теорию заговора связана с такими негативными явлениями современности, как политическая разобщенность, предрассудки и неспособность общества переломить негативный тренд в сфере экологии [21].

Анализ конспирологической дискурсивной среды позволяет выделить следующие типы или разновидности конспирологии.

Паранаучная конспирология, постулирующая, что современная наука в той части, которая отвергается конспирологами, представляет собой результат целенаправленных подделок и искажений и сокрытий, осуществленных «официальными учеными». Образцом может служить «Новая хронология» академика А.Т. Фоменко, основанная на утверждениях о тотальной фальсификации в области хронологии, археологии

¹Или новым типом рациональности.

и методов датировки; тезис паранаучной конспирологии – «ученые скрывают...».

Религиозная конспирология представлена в двух основных изводах: *апостасийном* и *эсхатологическом*. Согласно первому, за фасадом традиционных религиозных организаций злонамеренно действуют заговорщики, скрывающие правду и проводящие свою, вредную политику, примером могут служить апокрифы о «тайных кардиналах среди высших иерархов РПЦ МП», апокрифы о сокрытии иерархами достоверных источников, опровергающих традиционную христианскую догматику и т. п. *Эсхатологическая конспирология* видит в различных политических и технологических процессах современности мрачное эсхатологическое содержание, интерпретируемое в контексте веры в «глобальный эсхатологический заговор». Существуют различные контаминации апостасийной и эсхатологической конспирологий.

Политическая конспирология утверждает, что международные организации, правительства, политические партии, финансовые институты и т. д. в реальности руководимы тайными могущественными заговорщиками, тогда как официальные властные структуры являются не более чем декорациями, призванными скрыть от непосвященных истинные центры принятия решений. Дискурсы политической конспирологии могут взаимодействовать с религиозными – тогда формируются мифотеологемы о том, что, «Евросоюз – зверь из бездны», «восьмой генсек ООН – антихрист», «ООН – коллективный антихрист» и т. д. [22]. Семиотический дрейф по типу «символ/метафора» обеспечивает возможность для «герменевтического маневра», благодаря чему конспирологические концепты могут интерпретироваться в соответствии с условиями коммуникативного контекста.

Медицинская конспирология представляет собой плохо структурированную дискурсивную среду, формируемую мифологемами о:

- придумывании заинтересованными медицинскими и фармацевтическими корпорациями в реальности не существующих заболеваний;
- существовании дешевых, безопасных и ре-

зультативных способов лечения «реальных» болезней, злонамеренно скрываемых коварными заговорщиками;

- злонамеренном утаивании информации о вредных последствиях современных медицинских технологий, которые влияют как на телесное здоровье пациента, так и на его способность к критическому и волевому восприятию реальности и на возможность самостоятельного выбора им тех или иных поведенческих паттернов;

- врачах-отравителях (и целых медицинских корпорациях), действующих в интересах тайных заговорщиков (см. устойчивые сюжеты об отравлении медиками государственных и политических деятелей, военачальников, писателей и т. д.).

Техногенная конспирология утверждает, что современные технологии обработки, передачи и хранения информации, производства различных товаров, продуктов питания и т. п. тайно используются производителями для нанесения вреда физическому, психическому и духовному здоровью людей. Дискурсы техногенной конспирологии часто взаимодействуют с эсхатологическими и медицинскими конспирологическими дискурсами.

Фантастическая конспирология полагает, что есть возможность тайного влияния «инопланетных цивилизаций», фантастических существ, реликтов древних могущественных цивилизаций и т. п. на современные социальные, политические и природные процессы.

Основными акторами конспирологического мифа являются заговорщики, как правило, соотносимые с истинными центрами принятия решений, их осознанные и неосознанные агенты и противостоящие им конспирологи. При этом образы и агентов конспирологического заговора, и их противников часто конструируются в дискурсе мифа по иерархическому принципу, они образуют иерархические страты по степени могущества, посвящения в тайные знания, влияния на социальные процессы. Иерархические модели в конспирологии, безусловно, усиливают иллюкативный потенциал дискурса,

поскольку тайное сообщество врагов, организованное по строго иерархическому принципу и глубоко законспирированное, представляется более могущественным противником и, соответственно, для противостояния ему необходима мобилизация всех имеющихся сил и резервов. Семиотический дрейф, обеспечивающий формирование на концептуальном уровне сложных мифотеологем, усиливает иллюкативный потенциал дискурса.

При этом если «враги» в дискурсах конспирологического мифа представлены как волевое и действующее начало – они постоянно изобретают и реализуют коварные планы, развязывают войны и революции, добиваются внедрения вредных технологий и получают баснословную прибыль, то их противники довольствуются более пассивной ролью, которая сводится к разоблачению (как правило, на уровне интернет-публикаций), бойкоту новых технологий, отказу от биометрических документов, в крайнем случае – к радикальному эскапизму по паттерну религиозного отшельничества (см. информацию о так называемых пензенских отшельниках, последователях Даниила (Филиппова), таежной общине Константина (Воробьева) и т. д.).

Основные мифологемы и мифотеологемы конспирологического мифа. Контент-анализ конспирологических текстов позволил нам выделить основные конспирологические мифологемы и идеологемы, которые используются при создании конспирологической дискурсивной среды.

Идеологема о предательстве элит (национальных, религиозных, политических). Согласно данной идеологеме, элиты, призванные действовать в интересах людей, им доверяющих, на самом деле являются тайными агентами «врага», исполняющими его волю, притом что СМИ, различные подконтрольные им общественные институты,

коррупцированные политики и т. д. обеспечивают информационную маскировку реализуемой ими и вредной для простых людей политики.

Герменевтический механизм функционирования идеологемы о предательстве элит обеспечивает амбивалентную интерпретацию базового концепта «предательство». При этом предательство может интерпретироваться как осознанное действие, осуществляемое коррупцированной элитой вполне осмысленно и целенаправленно; такое понимание, несущее выраженную иллюкативность, позволяет формировать демонизированный образ политиков, институтов власти, например: «...львиная доля информационных центров на планете захвачена все той же “мировой элитой”, тайно служащей отцу лжи – дьяволу»². Учитывая существующий в консервативно настроенных стратах общества негативный тренд восприятия «идеологов Перестройки», такая интерпретация, созвучная социальной повестке поиска врагов, создает завышенную валидность конспирологических нарративов. При этом фиксируется аллегорическая интерпретация предательства, формирующая новый концепт «неосознанного предательства», который, будучи пустым, рамочным понятием, может использоваться для маркирования в качестве предательства ситуаций, состояний, действий и программ, рационально обосновать «предательскую сущность которых представляется затруднительным. В этих случаях лексема “предательство” часто функционирует в виде символа с неопределенно-широким денотатом, который употребляется в сочетании с различными маркерами низкой достоверности, напр. “русские люди”³ предали и отвергли Христа – Бога”, “так нам и надо”⁴, что с нами все это происходит. <...> это все за царя-батюшку, за то, что предали его”»⁵.

²Филимонов В.П. Но избави нас от лукавого. URL: <http://rus-sky.com/history/library/filimonov/> (дата обращения: 29.12.2020).

³Какие именно «русские люди»?

⁴Кому именно – «нам»? Здесь и выше наличествуют маркеры низкой достоверности.

⁵Пророчества старцев, война и три великих чуда. Часть-4. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2014-03-10-61175> (дата обращения: 29.12.2020).

Мифотеологема о демонической сущности современной государственности входит в мифологическую бинарную оппозицию, элементами которой являются идеализированный образ монархической Руси-России и демонизированный образ постмонархической государственности. Ввиду этой оппозиции любая форма государственного устройства, отличная от самодержавной монархии, семиотизируется в качестве эсхатологической аллегии, которая благодаря семиотическому дрейфу развивает свойства символа: если «Россия без Царя будет трупом смердящим»⁶, то понятно, что такое «государство будет и уже является главным врагом спасения. Это чудовище многоголовое, без имени, без звания, живущее только за счет высасывания последних соков из людей, преклоняющихся перед ним»⁷.

Идеологема о тотальной фальсификации постулирует, что современное информационное пространство целенаправленно заполнено ложной и лживой информацией, что касается как научных данных, так и новостной ленты. Герменевтическая специфика интерпретации этой идеологемы предполагает выявление «фактов фальсификации» на различных уровнях социокультурных отношений. В результате категориального дрейфа на основании отдельных «фактов фальсификации» делается категориальный вывод: «...мировая история, описанная в современных учебниках, – сплошь фальсификация»⁸.

Идеологема «враг везде» предупреждает о том, что люди, в т. ч. знакомые из ближайшего окружения, могут оказаться вовсе не теми, кем

они кажутся при профанном восприятии действительности. Поскольку организация заговорщиков отличается строгой иерархичностью и законспирированностью, ее агенты действуют повсеместно. Герменевтический механизм дискурсивного развертывания данной идеологемы также базируется на семиотическом дрейфе, в результате которого субкатегориальные признаки мифотеологемы трансформируются в гиперкатегориальные и символические. Понятие «враг» становится эсхатологическим символом, например: «...сейчас же Церковь наша больна, очень больна. В ней много шпионов, которые трудятся на врагов Христа»⁹, «а потом со всех сторон, яко пружи [саранча¹⁰], поползут враги на Россию»¹¹.

Мифотеологема об эсхатологическом заговоре обосновывает следующее: происходящие события имеют зловещее эсхатологическое содержание и связаны с предсказанным в Откровении Иоанна Богослова предстоящим в конце существования мира воцарением антихриста. Таким образом, заговор из сферы политики переносится в сферу религии и религиозной онтологии. Так конструируется враг для последующей тяжелой борьбы с ним. Эсхатологический заговор, будучи разновидностью заговора как такового, семиотизируется как «высшая форма» заговора, подобно тому, как его наиболее выраженное проявление – демонизированная мифотеологема о торжестве экуменизма – интерпретируется через новый концепт «всеересь экуменизма». Апелляция к эсхатологической семиотике позволяет усилить иллюкативность нарратива: очевидно, что «всеересь» страшнее,

⁶Без царя богопомазанника – Россия труп смердящий. URL: <https://maxpark.com/community/8/content/1356452> (дата обращения: 29.12.2020).

⁷Промысел в православных пророчествах. Предсказания на различные темы разных старцев и стариц. URL: <http://monomah.org/archives/4945> (дата обращения: 29.12.2020).

⁸История в дублях: интервью с А.Т. Фоменко Владимира Крючкова. URL: <http://chronologia.org/articles/itogi2010-13.html> (дата обращения: 29.12.2020).

⁹Мировые пророчества об Антихристе («руками и ногами человеческими» приведенного на царство): сб. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_13377/ (дата обращения: 29.12.2020).

¹⁰Саранча – устойчивый эсхатологический символ, см. Откр. 9:3; 9:7.

¹¹Пророчества старцев, война и три великих чуда. Часть-4.

чем «просто ересь»: «новая ересь – всеересь экуменизма, со всех сторон разъедает единство Православной Церкви, ее учение и вековое каноническое устройство»¹².

Технофобские мифотеологемы позволяют интерпретировать современные технологии в конспирологическом и эсхатологическом контекстах. Техника понимается как символ грядущего апокалипсиса, это уже не просто «техника как результат научно-технического прогресса», но техника демонизированная, причем источником ее демонизации является глубинная сущность прогресса, неразрывно связанного с изменениями: «...как только увидите, что <...> вводится какое-то новшество или что-то происходит впервые, будьте настороже. Скорее всего, это будут недобрые перемены. А вы стойте на том, чему научены, того и держитесь, от всего нового уклоняйтесь»¹³. Таким образом, научно-технический прогресс семиотизируется как один из знаков приближения конца света и пришествия антихриста.

Идеологема о тайных смыслах: все является не тем, чем оно представляется профанному восприятию. Онтологическая сущность и аксиологический статус предметов и явлений тщательно сокрыты от непосвященных. Формируются семиотические системы, в рамках которых происходит удвоение референта: профанному значению знака противопоставляется его «истинное значение». Здесь мы имеем дело с механизмом аллегорической герменевтики, приложимой к экзегетическому конструированию реальности, на что обращают внимание современные религиозные авторы: «Пока у человека нет веры в религиозную значимость того или иного символа, который якобы зашифрован в тех или иных электронных носителях,

они не могут иметь никакого духовного воздействия на его душу! Вера определяет направление пути человека к Богу или, напротив, к антихристу, а не какие-то тайные знаки»¹⁴.

Конспирологическая герменевтика и архаическая культура. Контент-анализ конспирологических нарративов позволяет сделать вывод о том, что конспирологический миф, вопреки логичному предположению, конструирует не реальность, но ее особую герменевтическую проекцию, создавая феномены семиотического удвоения. Хронотоп конспирологического мифа, рассматриваемый вне его герменевтического осмысления, оказывается вполне профанным, в нем существует такая же типология событий, что и в реальности; иными словами, конспирологический миф фактически не формирует особой событийности. Да и сама деятельность тайных заговорщиков воспринимается не столько прецессионно, сколько результативно, это не столько последовательность действий/событий, сколько герменевтический ключ, позволяющий надлежащим образом интерпретировать и оценивать реальность: онтология растворяется в аксиологии. Отчасти это можно объяснить верой конспирологов в особую глубокую конспиративность происходящих процессов. Даже для посвященных оказывается доступным только результат действия заговорщиков, притом что детали заговора, собственно и образующие последовательность событий, остаются никому не известными.

При этом события представляют интерес для конспирологов именно как основание и повод для задействия особых герменевтических механизмов, продуцирующих конспирологический дискурс. Событие необходимо

¹²Ересь всех ересей. URL: <http://ipckatakomb.ru/stoyanie-za-khrista/ekumenizm/91-eres-vsekh-eresej.html> (дата обращения: 29.12.2020).

¹³Еще один мощнейший удар экуменистов по русской церкви... Синод РПЦ изменил правила крещения и поминания. URL: <https://3rm.info/main/78386-esche-odin-udar-jekumenistov-po-russkoj-cerkvi-sinod-rpc-izmenil-pravila-kreschenija-i-pominovenija.html#sel=7:1,8:7> (дата обращения: 29.12.2020).

¹⁴Имеют ли тайные знаки и символы власть менять окружающий мир людей и вещей? URL: <http://soborjane.ru/2017/02/19/imeyut-li-tajnye-znaki-i-simvoly-vlast-menyat-okruzhayushhij-mir-lyudej-i-veshhej/> (дата обращения: 29.12.2020).

объяснить как результат действия невидимых тайных сил, т. е. поместить его в конспирологический контекст. Однако для того чтобы стать источником конспирологического осмысления реальности, элемент хронотопа должен сформировать вокруг себя определенное информационное пространство, которое создается благодаря интердискурсивному взаимодействию текстов, тиражируемых СМИ, а также нарративов бытовой повседневности. Только после того как будет сформирована в общих контурах «профанная герменевтика» события, в качестве реакции на нее начинает формироваться сакрально-эзотерическая герменевтика конспирологического мифа. В этом плане конспирологический миф всегда вторичен по отношению к тому, что можно определить как информационный эзотерический фон события. Конспирологическая герменевтика при этом представляется вполне рациональной, хотя это рациональность архаического мировосприятия, восходящего к архаико-магическому. Поэтому конспирология, укорененная в до-традиционной архаике, не может существовать и развиваться в традиционном и традиционалистическом мире. Как справедливо отмечалось исследователями, мир архаической культуры – это мир, «в котором человек постоянно создает себе трудности, преграды, ввергает себя в хаос, ибо в противном случае он “рискует забыть о вечном”. Вот и живет носитель архаических ценностей неустроенной жизнью, которая, по его мнению, и есть свидетельство его правильной

ценностной ориентации <...> В архаическом сознании чудесное преображение должно было обязательно сопровождаться неисчислимыми жертвами» [23, с. 31].

Отличительной чертой архаики является склонность оперировать бинарными оппозициями, близкими тем, которые К. Леви-Стросс определил в качестве обязательных структурных частей мифологического дискурса. Следует согласиться с тем, что «мыслительный мир архаического общества организован по принципу дуализма: все принадлежит либо той, либо другой стороне. Отсюда – универсальное деление на “своих” и “чужих”, на “друзей” и “врагов”» [24, с. 127]. Такой формат архаической культуры делает ее концепты и структуры востребованными конспирологическим мифом.

Проведенное исследование дает возможность сделать вывод о том, что конспирологический миф представляет собой особую герменевтическую систему, позволяющую формировать конкурентные дискурсы, претендующие на способность выполнять этиологическую функцию и при этом сакрализовать повседневность, интерпретируя ее как пространство «священной борьбы» с могущественными врагами. Будучи во многом продуктом архаической культуры, конспирологический миф сохраняет присущий архаике особый тип рациональности, оказывающийся легко совместимым с эпистемологическими установками современной массовой культуры.

Список литературы

1. Sunstein C.R., Vermeule A. Conspiracy Theories: Causes and Cures // J. Polit. Philos. 2009. Vol. 17, № 2. P. 202–227. DOI: 10.1111/j.1467-9760.2008.00325.x
2. Дугин А. Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне). М.: РОФ «Евразия», 2005. 624 с.
3. Levy N. Radically Socialized Knowledge and Conspiracy Theories // Episteme. 2007. Vol. 4, № 2. P. 181–192. DOI: 10.3366/epi.2007.4.2.181
4. Хмелевский С.В. Проблематика, направления, эвристический потенциал современной конспирологии // Соц.-полит. науки. 2013. № 2. С. 62–73.
5. Панченко А.А. Антропология и конспирология // Антропол. форум. 2015. № 27. С. 89–94.

6. Трахтенберг Д. Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным анти-семитизмом. М.: Иерусалим: Гешарим, 1998. 293 с.
7. Шнирельман В.А. Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России. М.: Изд-во ББИ, 2017. 617 с.
8. Дворников В.В. Конспирология как деструкция познания и феномен массовой культуры // International Conference on Social Science, Arts, Business and Education: Materials of the I International Research and Practice Conference, Vienna, 22 December 2016. Vienna, Austria: Scientific Public Organization «Professional Science», 2016. С. 634–643.
9. Андреев Д.А., Прозоров В.Б. Конспирология и эсхатология на рубеже миллениумов // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2003. С. 154–176.
10. Кормина Ж.В. Дрожжи-убийцы: гастрономическая конспирология и культура недоверия в современной России // Антропол. форум. 2015. № 27. С. 142–175.
11. Штырков С. Духовное видение истории как дискурсивный порядок политической эсхатологии: убийство семьи Николая II в поздне- и постсоветской православной историософии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 4(37). С. 130–166.
12. Андреева Т.В. Александр I и мифологема «всевропейского заговора революционеров» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2008. Вып. 4, ч. 1. С. 25–34.
13. Прилуцкий А.М. Концепт «жидомасонство» как пустое рамочное понятие и семиотическая фикция // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2019. № 3. С. 117–127.
14. Brotherton R., French C.C. Belief in Conspiracy Theories and Susceptibility to the Conjunction Fallacy // Appl. Cogn. Psychol. 2014. Vol. 28, № 2. P. 238–248. DOI: 10.1002/acp.2995
15. Buenting J., Taylor J. Conspiracy Theories and Fortuitous Data // Philosophy of the Social Sciences. 2010. Vol. 40, № 4. P. 567–578. DOI: 10.1177/0048393109350750
16. Coady D. Are Conspiracy Theorists Irrational? // Episteme. 2007. Vol. 4, № 2. P. 193–204. DOI: 10.3366/epi.2007.4.2.193
17. Карандашов В.Д., Лебедев В.Ю. Прологомены семио-герменевтического религиоведения // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2017. № 3. С. 124–133.
18. Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М.: У Никитских ворот, 2019. 376 с.
19. Кадурин Н.В. Конспирологические подходы к репрезентации политических процессов // Соврем. исслед. соц. проблем (электрон. науч. журн.). 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konspirologicheskie-podhody-k-reprezentatsii-politicheskikh-protsessov> (дата обращения: 20.06.2020). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-6-26
20. Stenqvist C. The God Question // Existentz. 2012. Vol. 7, № 2. P. 49–51.
21. Jolley D., Douglas K.M., Leite A.C., Schrader T. Belief in Conspiracy Theories and Intentions to Engage in Everyday Crime // Br. J. Soc. Psychol. 2019. Vol. 58, № 3. P. 534–549.
22. Прилуцкий А.М. Семио-герменевтические особенности дискурсов страха современной маргинальной религиозности // Вестн. Рус. христиан. гуманит. акад. 2017. Т. 18, № 1. С. 185–193.
23. Волков В.Н. Архаика русской культуры и модернизация российского общества // Вестн. Мар. гос. ун-та. 2013. № 11. С. 30–33.
24. Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. Полит. исслед. 1997. № 5. С. 127–139.

References

1. Sunstein C.R., Vermeule A. Conspiracy Theories: Causes and Cures. *J. Polit. Philos.*, 2009, vol. 17, no. 2, pp. 202–227. DOI: 10.1111/j.1467-9760.2008.00325.x
2. Dugin A. *Konspirologiya (nauka o zagovorakh, sekretnykh obshchestvakh i taynoy voyne)* [Conspiracy (the Science of Conspiracies, Secret Societies and Secret War)]. Moscow, 2005. 624 p.
3. Levy N. Radically Socialized Knowledge and Conspiracy Theories. *Episteme*, 2007, vol. 4, no. 2, pp. 181–192. DOI: 10.3366/epi.2007.4.2.181
4. Khmelevskiy S.V. Problematika, napravleniya, evristicheskiy potentsial sovremennoy konspirologii [Problem Areas, Trends, Heuristic Potential of Modern Conspiracy]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*, 2013, no. 2, pp. 62–73.

5. Panchenko A.A. Antropologiya i konspirologiya [Anthropology and Conspiracy Theories]. *Antropologicheskii forum*, 2015, no. 27, pp. 89–94.
6. Trakhtenberg D. *D'yavol i evrei: Srednevekoveye predstavleniya o evreyakh i ikh svyaz' s sovremennym antisemitizmom* [The Devil and the Jews: Mediaeval Ideas of the Jews and Their Connection with Modern Anti-Semitism]. Moscow, 1998. 293 p.
7. Shnirel'man V.A. *Koleno Danovo: eskhatologiya i antisemitizm v sovremennoy Rossii* [The Tribe of Dan: Eschatology and Anti-Semitism in Contemporary Russia]. Moscow, 2017. 617 p.
8. Dvornikov V.V. Konspirologiya kak destruktivnyy poznaniye i fenomen massovoy kul'tury [Conspiracy Theories as Destruction of Knowledge and the Phenomenon of Mass Culture]. Krasnova N.A. (ed.). *International Conference on Social Science, Arts, Business and Education*. Vienna, 2016, pp. 634–643.
9. Andreev D.A., Prozorov V.B. Konspirologiya i eskhatologiya na rubezhe milleniumov [Conspirology and Eschatology at the Turn of the Millennia]. *Mezhdru kanunami. Istoricheskie issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let* [Between the Eves. Historical Research in Russia Over the Past 25 Years]. Moscow, 2003, pp. 154–176.
10. Kormina Zh.V. Drozhzhi-ubiysty: gastronomicheskaya konspirologiya i kul'tura nedoveriya v sovremennoy Rossii [Killer Yeast: The Gastronomic Conspiracy and Culture of Distrust in Contemporary Russia]. *Antropologicheskii forum*, 2015, no. 27, pp. 142–175.
11. Shtyrkov S. Dukhovnoe videnie istorii kak diskursivnyy poryadok politicheskoy eskhatologii: ubiystvo sem'i Nikolaya II v pozdne- i postsovetsoy pravoslavnoy istoriosofii [The Spiritual Version of History and Discursive Order of Political Eschatology: Theology of Ritual in Contemporary Orthodox Historiosophy and Conspirology]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2019, no. 4, pp. 130–166.
12. Andreeva T.V. Aleksandr I i mifologema “vseevropeyskogo zagovora revolyutsionerov” [Alexander I and the Myth of All-European Conspiracy of Revolutionaries, 1820–1825]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2*, 2008, no. 4, pt. 1, pp. 25–34.
13. Prilutskiy A.M. Kontsept “zhidomasonstvo” kak pustoe ramochnoe ponyatie i semioticheskaya fiktsiya [The Concept of Jewish Freemasonry as an Empty Framework Concept and Semiotic Fiction]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2019, no. 3, pp. 117–127.
14. Brotherton R., French C.C. Belief in Conspiracy Theories and Susceptibility to the Conjunction Fallacy. *Appl. Cogn. Psychol.*, 2014, vol. 28, no. 2, pp. 238–248. DOI: 10.1002/acp.2995
15. Buenting J., Taylor J. Conspiracy Theories and Fortuitous Data. *Philos. Soc. Sci.*, 2010, vol. 40, no. 4, pp. 567–578. DOI: 10.1177/0048393109350750
16. Coady D. Are Conspiracy Theorists Irrational? *Episteme*, 2007, vol. 4, no. 2, pp. 193–204. DOI: 10.3366/epi.2007.4.2.193
17. Karandashov V.D., Lebedev V.Yu. Prolegomeny semio-germenevticheskogo religiovedeniya [Prolegomena of Semio-Hermeneutic Religious Studies]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2017, no. 3, pp. 124–133.
18. Barkov S.A., Zubkov V.I. *Monologi i dialogi o postmoderne i postmodernizme* [Monologues and Dialogues on Postmodernity and Postmodernism]. Moscow, 2019. 376 p.
19. Kadurina N.V. Konspirologicheskie podkhody k reprezentatsii politicheskikh protsessov [Conspirological Approaches to the Representation of Political Processes]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal)*, 2013, no. 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konspirologicheskie-podhody-k-representatsii-politicheskikh-protsessov> (accessed: 20 June 2020). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-6-26
20. Stenqvist C. The God Question. *Existenz*, 2012, vol. 7, no. 2, pp. 49–51.
21. Jolley D., Douglas K.M., Leite A.C., Schrader T. Belief in Conspiracy Theories and Intentions to Engage in Everyday Crime. *Br. J. Soc. Psychol.*, 2019, vol. 58, no. 3, pp. 534–549.
22. Prilutskiy A.M. Semio-germenevticheskie osobennosti diskursov strakha sovremennoy marginal'noy religioznosti [Semiotic and Hermeneutic Specifics of the Discourses of Fear in Modern Marginal Religiosity]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2017, vol. 18, no. 1, pp. 185–193.
23. Volkov V.N. Arkhaika russkoy kul'tury i modernizatsiya rossiyskogo obshchestva [Russian Culture Archaic Character and Russian Society Modernization]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 11, pp. 30–33.
24. Shcherbinina N.G. Arkhaika v rossiyskoy politicheskoy kul'ture [The Archaic in Russian Political Culture]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1997, no. 5, pp. 127–139.

DOI:10.37482/2227-6564-V041

Aleksandr M. Prilutskiy

The Herzen State Pedagogical University of Russia;
nab. reki Moyki 48, korp. 20, St. Petersburg, 191186, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935> e-mail: alpril@mail.ru

ON THE HERMENEUTIC MECHANISMS OF FUNCTIONING OF THE CONSPIRACY MYTH

This article studies the hermeneutic and semiotic specifics of modern conspiracy theories. The conspiracy myth is a collection of mythological narratives that interpret socio-historical processes and phenomena as the result of a deliberate action by powerful forces carefully concealing their existence or any relation to these phenomena and processes. Today, conspiracy theories are turning into one of the mass ideologies, gaining supporters among various social, age, professional, and religious communities. The golden age of conspiracy myths is the postmodern era. The postmodern ideologeme of the plurality of truths and the equivalence of discourses turned out to be the paradigmatic basis for conspiracy theories. The analysis of the discursive conspiracy environment allows us to distinguish the following types of conspiracy theories: parascientific, religious, political, medical, technogenic, and fantastic. The agents and actors of a conspiracy and their opponents form hierarchical strata in terms of power, initiation into secret knowledge, and influence on social processes. Hierarchical models in conspiracy theories reinforce the illocutionary potential of discourse. The research concludes that the conspiracy myth is a special hermeneutic system that allows one to form competitive discourses claiming the ability to fulfil an etiological function and at the same time introduce sacredness into everyday life, interpreting it as a space of “sacred struggle” with powerful enemies. Being largely a product of archaic culture, the conspiracy myth preserves a special type of rationality inherent in the archaic, which is easily compatible with the epistemological ideas of contemporary mass culture.

Keywords: *conspiracy myth, hermeneutics, semiotics, semiotic drift.*

Поступила: 27.01.2020

Принята: 20.05.2020

Received: 27 January 2020

Accepted: 20 May 2020

For citation: Prilutskiy A.M. On the Hermeneutic Mechanisms of Functioning of the Conspiracy Myth. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 4, pp. 131–141. DOI: 10.37482/2227-6564-V041